

ред русскоязычным населением Германии. Они не знают, что у нас происходит на ТВ, поэтому я сначала объясняю, а потом шучу на эту тему. Я им рассказываю: у нас появилась реклама одного йогурта со следующей фразой: "Не все йогурты одинаково полезны". Поэтому была сконструирована такая шутка — надпись на могильной плите: "Не все йогурты одинаково полезны". Они смеются, так же, как у нас. А потом я им рассказываю: вот у нас в Москве появилось много пива, хорошего, отечественного в том числе. И вот есть такая реклама: "Хорошо, когда пиво правильное. Вот "Бочкарев" — правильное пиво". И я это обы-

Елена Степаненко для Петросяна — не просто жена, а продолжение его школы.

грал: "Хорошо, когда пиво правильное. Вот водка — правильное пиво". Я должен точно знать, что мой собеседник в курсе предмета иронии.

— А есть что-то, что способно рассмешить любого человека?

— Конечно. То, в курсе чего все. Политические темы — не все, конечно, а одиозные. Но политика отошла на второй план. На первом плане сейчас простые человеческие взаимоотношения. Они способны сегодня и рассмешить, и растрогать. Последний наш спектакль с Еленой Степаненко называется "Семейные радости". Там есть такая сценка, которую написала Наташа Коростелева, — "Воскресный папа". Лена говорит голосом маленькой девочки. Она современный ребенок, папа чего-то не понимает. Люди смеются. А потом выясняется, что папа к ней по воскресеньям приходит, а здесь у нее уже другой папа. И вы знаете, я видел, как взрослые мужики плачут в зале. Это волнует. Я уже четыре года не выпускал чисто политическую программу. Хотя в моем спектакле есть такие вещи, которые сейчас ка-

жутся острыми. "Слушай, ты не боишься?" — говорят мне до сих пор.

— Евгений Ваганович, в свое время вы передевались в костюмы груши, телефона и прочих неодушевленных предметов. Как и кому пришла в голову эта почти сюрреалистическая мысль?

— Это было в начале 80-х. Тогда Михаил Николаевич Задорнов только начал работать для эстрады. И вот мы сидели и анализировали законы жанра, его пути развития, его возможности. Тогда четыре мы просто сидели и анализировали. В результате у меня родилась книжка "Хочу в артисты". И вот тогда в поисках новых форм мы набрали вот на это... А чего вас смешит?

— Да просто номер очень смешной был, вспомнилось как-то.

— При подробном анализе, при доскональном знании ремесла, все равно — все строится на интуиции. У Задорнова потрясающая интуиция. Когда мы рассуждали о театре предмета, логика определяла какие-то закономерности. Когда берешь предмет, он задает тему. Шкаф, например, не может говорить о политике.

смог ее вынести из своей мастерской — в дверь не пролезала. Ему пришлось всю разбирать, в общем, комедия была. А телефон — он тоже с людьми связан, с разговорами. Он подвижный.

По крупице общими усилиями образовывалась наша школа. А когда появилась Степаненко, Задорнов с гордостью сказал: "Вот, Жень, смотри, Лена — это и есть продолжение нашей школы". С Задорновым у нас вообще взаимопонимание уникальное. Мы сидим так молча, лежит текст, который нам надо обсудить. Он говорит: "Да". Я говорю: "Да". Он говорит: "Нет...". Какие-то мултона — это, наверное, из области сумасшествия. Это сейчас такой лаконичный творческий процесс, такое взаимопонимание, которому предшествовала огромная скрупулезная работа. Вот, например, 1987-й, мы начали открывать темы. Первыми о коммунистах заговорили мы с эстрады. О генеральном секретаре с юмором — это был нонсенс. О Ленине, о Лигачеве, о проститутках, которых считалось, у нас нет. Мы открывали темы. Мы учили многие темы на такт раньше и стали актуальными. А потом, в середине 90-х, политика должна была отойти на второй план. Но она все равно осталась. Вот в Америке разграничение тем между артистами, которое мне не нравится. Один говорит только о политике, другой — только о голубых. Разделение какое-то, как у детей лейтенанта Шмидта. Юмор — комментатор сегодняшнего дня. Он должен комментировать всю палитру. Вот меня спрашивают корреспонденты: а зрительный зал изменился? Изменился, конечно. И я изменился. Реакция не изменилась. Она не должна меняться. Зрители должны смеяться и плакать. А в результате не пожалеть о потраченном времени.

Евгений ПЕТРОСЯН

ИЗБРАННОЕ «МК-Бульваром»

НЕПЕРЕДАВАЕМЫЕ ОЩУЩЕНИЯ

(Автор Андрей НОВИЧЕНКО)

На сцену выходит Е.Петросян с перебинтованной головой и носом, с костылями и гипсом на ноге.

— Наши все так быстро перенимают! В смысле шоу-бизнеса. Только у них там что-то где-то появится, глядишь — уже и у наших тут как тут.

Вот недавно по телевизору показали, что у них там новое развлечение появилось: с высокого моста вниз головой на резинке прыгать. То есть привязывают тебе к ногам длинную-длинную резинку, считают до трех и... привет родителям!.. И как-то у них там на Западе все рассчитано до миллиметра, что немного недолетает. Нет, уж если кто захочет, то буквально на полметра в реку окунается, резинка пружинит — и он тут же назад.

Я как посмотрел: самоубийцы! А диктор говорит: "Нет, никакого риска. Все просчитано до миллиметра. И главное — у вас будут непередаваемые ощущения. На всю жизнь запомните".

Я всю ночь не спал. Думаю: какие же там могут быть ощущения?! Мне с моей зарплатой можно с нашего моста и без резинок.

А тут в газете реклама: "Новый шоу-аттракцион "Американский прыжок"! — и дальше все как по телеку. Я молча собрался. Жене — ни слова. Узнает — своими руками с балкона выбросит.

Прихожу на центральный мост — точно. Народу — тьма. Подходит ко мне инструктор:

— Прыгать будете?

Я с моста глянул... Говорю:

— А у вас тут все правильно? Ничего не перепутали?

— Обижаете, — говорит, — мы — фирма серьезная. Вот мост. Вот табуретка. Внизу спасатель дежурит. С багром.

— А сколько стоит?

— Для первых десяти клиентов прыжок бесплатный. Только сто долларов за аренду моста.

— А так — бесплатно?

— А так — бесплатно.

Отдаю деньги, подходит ко мне милиционер:

— И мне пятьдесят.

— За что? — спрашиваю.

— За нарушение общественного порядка. Наши люди в полете сильно матерятся. На всю пляжную зону...

